

Рабство

Джеймс Л. Бейкер

S L A V E R Y :

BY

J. L. BAKER.

AUTHOR OF "EXPORTS AND IMPORTS," "MEN AND THINGS," &c.

PHILADELPHIA:
JOHN A. NORTON,
1860.

Электронная книга проекта Гутенберга о рабстве

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рабство

Автор: Джеймс Л. Бейкер

Дата выхода: 7 января 2017 г. [Электронная книга № 53904]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

В титрах: Подготовлено Ларри Б. Харрисоном, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАБСТВО" ***

РАБСТВО:

АВТОР: Дж. Л. БЕЙКЕР.

АВТОР КНИГ "ЭКСПОРТ И ИМПОРТ", "ЛЮДИ И ВЕЩИ" И др.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ:

ДЖОН А. НОРТОН,

1860.

РАБСТВО.

Недавняя попытка Джона Брауна спровоцировать восстание в Харперс-Ферри вызвала немалое волнение по всей стране. Каким бы странным и отчаянным ни было это движение, оно, по-видимому, стало естественным и необходимым результатом долгой двадцатилетней войны, которая велась в свободных Штатах против институтов Юга, кульминационной точкой, как следует надеяться, реформы, не основанной на здоровом принципе, и которая, подобно эпидемии, прокатилась по стране, приводя лишь к ожесточенным словам, резким взаимным обвинениям, вражде отдельных слоев населения и завершаясь, подобно последнему акту трагедии, насилием и убийствами.

Сцена, разыгравшаяся в Харперс-Ферри, возможно, откроет глаза нации, так что они смогут полностью увидеть зияющую пропасть, края которой они, наконец, достигли, и побудит их оценить почву, на которой они стоят; поинтересоваться, что они делали и какому благу делу могут послужить действия, приведшие к таким фатальным результатам. Многие жизни были принесены в жертву. Целая семья была разрушена, и старика вывели на улицу, чтобы он претерпел последнее и самое ужасное наказание закона. Он был всего лишь инструментом в руках других людей, которые действовали, за исключением некоторых политических лидеров, исходя из честных убеждений.

Однако теперь пришло время им, как и всем остальным, со всей серьезностью поинтересоваться, были ли эти убеждения о долге справедливыми и похвальными, или же они были ошибочными и, следовательно, заслуживают осуждения. Усердие без знаний - опасное оружие, как доказала вся история, и все обязаны не только поступать правильно, но и правильно мыслить. Старая максима гласит, что незнание закона никого не оправдывает, и столь же верно то, что мы не вольны следовать своим слепым импульсам, но обязаны информировать самих себя *изнать*, является ли конкретный образ действий, каким бы благонамеренным он ни был, таким, который не разрушит те самые цели, которые мы имеем в виду, в то время как он приносит несчастье и разорение тысячам наших собратьев.

Свобода во все века была самой плодотворной темой для поэтов и ораторов, и до сих пор ее истинная природа и условия понимаются лишь несовершенно. Конституционная свобода, подобная свободе Англии и Соединенных Штатов, возможна только для расы, обладающей физическим темпераментом, который позволяет ей осуществлять самоконтроль или самоуправление, и только для такой расы это благословение. Но в истории известно мало таких рас. Одной из них была греческая, а затем римская, но обе выродились и утратили способность к самоуправлению.

В наше время английская нация проявила ту же способность, которая принадлежит и нам, поскольку мы с ней одной крови. Ни один другой народ не обладает теми конституционными чертами, которые позволяют ему осуществлять самоуправление, что является всего лишь другим названием самоограничения. Француз непостоянен, непостоянен, любит славу и сегодня менее свободен, чем при Людовике Шестнадцатом. У него есть правительство, которое отвечает его желаниям и его гению, которое в точности отражает его состояние и, следовательно, в наибольшей степени способствует его счастью. Если с течением веков его физическое и психическое состояние изменится, он обязательно найдет правительство, соответствующее достигнутому им прогрессу. Правительства - это всего лишь агенты и представители народа. Они очень близко отражают состояние управляемых и изменяются в соответствии с изменениями тех, кого они представляют. Никакая смертная сила не может

помешать каким-либо людям воспользоваться той степенью свободы, которой они способны наслаждаться и которая, следовательно, способствовала бы их счастью. То, что верно для Франции, верно и для других европейских наций, и для всех наций; так что мы никогда не обманываем себя более основательно, чем когда говорим о политической свободе как о чем-то, одинаково применимом ко всем и достижимом всеми.

Такая свобода, по мнению англосакса, способствует его счастью; но она может оказаться величайшим проклятием, как это часто доказывалось тем, в жилах кого течет другая кровь, у кого нет такой же способности к самоконтролю, и кто, следовательно, наслаждается не меньше, если не больше, правительствами, соответствующими их особым темпераментам. Итальянская республика существует только в мечтах Мадзини и Гарибальди, и все же, если можно измерить сумму человеческого счастья, в Италии может быть столько же счастья, а возможно, и больше, чем можно найти в двух нациях, способных жить при конституционном правительстве.

Часто случается, что среди тех наций, которым требуется сильное правительство, мы находим больший уровень социальной свободы, чем среди тех, кто более свободен политически. В Париже человек более свободен выражать свое мнение по любому вопросу науки, религии или другой теме, за исключением политики, чем в Бостоне. Он меньше благоговеет перед своими соседями, меньше ощущает давление общественного мнения, чем мы, к которым правительство относится легкомысленно, но которые в соответствующей степени являются рабами общественных настроений. Там, где законы действуют слабее всего, общественное мнение занимает их место и часто становится ужасным тираном, что часто наблюдается в наших западных штатах и на границах цивилизации. С другой стороны, там, где существует наименьшая политическая свобода, мы обнаруживаем наибольшую социальную свободу, как если бы одно было несовместимо с другим, что, вероятно, так и есть, и по той причине, что человеком нужно в определенной степени каким-то образом управлять, и если он становится политически более свободным, он по необходимости становится социально более порабощенным.

Мы обнаружим, если посмотрим на различные нации мира, что каждая пользуется той степенью свободы, политической или социальной, которая в наибольшей степени способствует ее счастью. Если бы это не относилось к какой-либо нации, несомненно, что ее состояние было бы немедленно изменено в соответствии с ее желаниями и возможностями. Никакое правительство, каким бы деспотичным оно ни было, не могло ни на мгновение предотвратить такой результат; и совсем небезопасно судить о реальном состоянии нации по взволнованным речам таких энтузиастов, как Кошут и Мадзини.

Как только люди становятся способными к самоконтролю или самоуправлению, так же быстро правительство видоизменяется в соответствии с их желаниями; ибо они, по сути, и есть правительство, а правители - всего лишь их представители.

Я знаю, что многие сочтут этот взгляд на свободу крайне еретическим и вовсе не соответствующим фактам истории или природе человека. Некоторым это, без сомнения, покажется новым, а также странным и весьма сомнительным. Я не сомневаюсь, что то, что мы называем конституционной свободой, зависит главным образом от особого физического и морального темперамента народа. Самоуправление конституционно во многих смыслах этого слова. По крайней мере, таков результат моих размышлений на эту тему. Урок, который я извлекаю из истории, состоит в том, что никакая физическая или умственная культура не может

существенно изменить особый темперамент, присущий каждой расе. Нация может быть образована, чтобы преуспеть во всех искусствах и всех науках, в ораторском искусстве, философии, поэзии, музыке и живописи, но не в искусстве самоуправления, которое подразумевает природный дар, дарованный очень небольшой части человеческой расы. Чтобы судить о народе в этом отношении, мы также должны убедиться в его способностях у себя дома и не обманываться тем, что происходит с отдельными людьми или небольшими сообществами, когда их бросают в гущу самоконтролирующей или самоуправляющейся расы. Так обстоит дело с нашим немецким населением, которое составляет разумную, полезную, законопослушную часть наших граждан и, по всей видимости, способно осуществлять функции самоуправления. Но мы должны учитывать, что они существуют здесь, окруженные и полностью контролируемые нашим собственным народом, а в некоторых частях Союза родились и выросли при наших институтах. Если мы хотим узнать о способности их расы к самоуправлению, мы должны отправиться в Германию и, если возможно, найти ее там. Немецкая раса ближе всего к нашей и превосходит ее в некоторых отношениях, хотя и лишена необходимых политических элементов, которыми мы одарены. На протяжении многих лет самые глубокие ученые и величайшие музыкальные композиторы были найдены в Германии, которая также породила Гете и Шиллера - имена, достойные того, чтобы встать в один ряд с величайшими современниками. Мы исходим из одного племени и одного северного улья, но пошли разными путями, и теперь в наших жилах течет разная кровь. Одна раса естественным образом увлекается политикой, к которой у нее есть склонности, другая - столь же естественным образом музыкой и живописью, наукой и философией. По прошествии веков физическое строение обеих может измениться. Англичане могут утратить из-за примеси особые качества крови, которые теперь отличают их, и таким образом утратить способность к самоконтролю. Они могут выродиться, подобно римлянам, под ослабляющим влиянием роскоши и, подобно этой нации, потерять свою конституционную свободу. Так что, с другой стороны, Германия может с течением времени претерпеть столь же значительные изменения и в прямо противоположном направлении. Союз различных рас этого обширного королевства может привести к новому результату. Может возникнуть новая раса, которая превзойдет нынешнюю расу англичан в способности к самоуправлению. Нынешняя английская раса - это дело веков, и в ней течет кровь саксов, датчан и норманнов, смешанная в должной пропорции для достижения определенного результата, причем такого результата, который больше нигде не может быть засвидетельствован.

Если теория свободы человека, которую я так кратко и несовершенно предложил, верна и подтверждается фактами истории, тогда она даст нам ключ к решению некоторых из тех сложных проблем в человеческой жизни и судьбе, которые так озадачивали человечество и которые сопротивлялись всем попыткам решения.

Если мы будем рассматривать все нации как движущиеся вперед в сфере, предназначенной Провидением, каждая из которых ищет и находит свое счастье по—своему,- некоторые менее способны к самоограничению, чем другие, некоторые пользуются высокой степенью политической свободы, а некоторые, с другой стороны, обладают высокой степенью социальной свободы; их счастье зависит не столько от особых форм их правления, сколько от их приспособления к их особым потребностям и способностям, — мы будем избавлены от большей части того сочувствия и неуместной симпатии, которые мы проявляли к другим и которые, возможно, были более необходимы. сами по себе. Рассматриваемая в свете, который я предложил, а также в связи с важными фактами, моральными и физическими, о которых я

собираюсь рассказать более подробно, проблема негритянского рабства в Соединенных Штатах не является такой трудноразрешимой, как обычно предполагалось. Недавняя вспышка в Вирджинии с новой и удвоенной силой ставит перед нами вопрос: что должно случиться с миллионами рабов в наших Южных Штатах, могут ли они быть освобождены каким-нибудь движением, подобным движению Джона Брауна, подстрекаемым теми, кто в течение многих лет занимался агитацией на эту тему?

Это важный вопрос для нашего рассмотрения, или, скорее, этот вопрос следовало рассмотреть много лет назад. Это проблема, которую следовало бы решить тем, кто так долго оперировал такими экстравагантными формулировками и "блестящими обобщениями" о естественных правах человека. Они должны были сообщить нам, что станет с теми миллионами, внезапно вырвавшихся из-под контроля и брошенных на произвол судьбы, которые больше не будут защищены белой расой, а столкнутся с конкуренцией, неумирающими предрассудками, крайними социальными трудностями и "непреодолимым конфликтом" несовместимых рас.

Те из нас, кто достиг среднего возраста, на собственном опыте убедились, что ни одна из этих миллионов не могла бы сколь-нибудь долго существовать на земле Массачусетса. Если бы не случайная эмиграция с Юга, негр был бы сейчас такой же редкостью в этом штате, как дикий индеец, и от семей, которые мы знали в детстве, почти ничего не осталось.

Из статистических данных, собранных покойным доктором Джесси Чикерингом, следует, что чернокожие умирают в Массачусетсе в соотношении три к одному по сравнению с белыми. Такое положение вещей является результатом как моральных, так и физических причин. Угнетающее влияние экстремальных социальных трудностей, которые не может облегчить никакая филантропия, в значительной степени объясняет это неравенство в смертности; в то время как физические причины действуют, возможно, еще в большей степени на тот же эффект. О последнем мы можем кое-что узнать из статьи, прочитанной несколько лет назад в Бостонском обществе естественной истории доктором Сэмюэлем Найлендом-младшим, из которой ниже приводится выдержка:

"К мулатам часто с триумфом обращаются как к доказательству того, что гибридные расы бесконечно плодovиты. Каждый врач, много практиковавший среди мулатов, знает, что, во-первых, они гораздо менее плодovиты, чем чернокожие или белые, — статистика штата Нью-Йорк и города Сити подтверждает этот факт ежедневных наблюдений; и, во-вторых, когда они плодovиты, потомство хрупкое, болезненное, недолговечное, редко достигающее зрелости. Врачам нет нужды говорить о сравнительно огромном количестве золотушных и с ухудшением конституции, обнаруженных среди этих гибридов.

"Журнал колонизации" приводит некоторые статистические данные о цветном населении Нью-Йорка, которые, должно быть, представляют болезненный интерес для всех размышляющих людей. Последняя перепись показала, что, в то время как другие классы нашего населения во всех частях страны увеличивались в огромной пропорции, цветное население сокращалось. В штате Нью-Йорк в 1840 году их было пятьдесят тысяч; в 1850 году — только сорок семь тысяч. В Нью-Йорке в 1840 году их было восемнадцать тысяч; в 1850 году — семнадцать тысяч. Согласно отчету инспектора города Нью-Йорка за четыре месяца, закончившихся октябрём 1853 года:

1. Белые заключают настоящие 2230

	браки,	
	Цветных заключают настоящие браки,	26
2.	Белые представляют рождений,	6780
	Цветных представляют рождений,	70
3.	От рук белых погибло около человек (не считая 2152 человек из 116 000 вновь прибывших эмигрантов и других лиц, не приспособленных к климату.)	6000
	Смерти цветных экспонатов,	160

соотношение смертей среди акклиматизированных белых и цветных составляет тридцать семь к одному, в то время как рождаемость составляет девяносто семь белых к одному цветному. Соотношение белых к цветным выглядит следующим образом: —Браки 140 к 1; рождения 97 к 1; смерти 37 к 1. Согласно соотношению численности населения, браков среди белых за это время в три раза больше, чем среди цветных; число рождений среди белых в два раза больше. По смертности цветные превосходят белых не только по соотношению численности населения, но и демонстрируют соотношение ста шестидесяти пяти смертей к семидесяти шести рождениям, или семи смертей к трем рождениям, - более чем два к одному.

"То же самое верно и для Бостона, насколько мы можем судить по результатам переписи населения. В переписи Шаттака 1845 года выясняется, что в том году в Бостоне было на сто сорок шесть цветных меньше, чем в 1840 году; общее число составило 1842 человека. В той же работе приведены данные о смертности за период в пятьдесят лет, с 1725 по 1775 год, что показывает, что смертность среди чернокожих была в два раза выше, чем среди белых. В последние годы Бостон, вероятно, ничем не отличается ни от самого себя в прежние времена, ни от Нью-Йорка в настоящее время. В сборнике переписи населения Соединенных Штатов за 1850 год, стр. 64, говорится, что "заметен снижающийся коэффициент увеличения числа свободных цветных в каждом разделе. В Новой Англии прирост сейчас почти нулевой; " на юго-западе и в Южных штатах прирост значительно сократился; только на северо-западе наблюдается какой-либо прирост", что указывает на значительную эмиграцию в этот квартал. " Что должно произойти с черным населением при таких темпах через несколько лет? Каковы причины этого упадка? Они пренебрегают законами социального и физического благополучия не больше, чем белые, если они делают это в той же степени, что и они. Мне кажется, это одно из необходимых последствий попыток смешения рас; гибриды перестают быть плодовитыми; раса должна вымереть как мулатская; она должна либо сохранить несмешанный черный цвет, либо вымереть. Никто не сомневается, что смешанное потомство может быть произведено в результате смешанных браков между представителями различных рас, — грики, папуасы, кафусы Бразилии, столь подробно перечисленные Причардом, достаточно доказывают это. Вопрос в том, сохранились ли бы они, если бы были строго ограничены смешанными браками

между собой? Исходя из фактов в случае с мулатами, мы, несомненно, говорим, что нет. То же самое верно, насколько было замечено, в отношении смешения белой и красной рас в Мексике, Центральной и Южной Америке. Хорошо известная редкость смешанного потомства между европейской и австралийской расами привела колониальное правительство к официальному расследованию, в результате которого в тридцати одном округе с населением пятнадцать тысяч человек полукровок насчитывалось не более двухсот, хотя связь двух рас была очень тесной.

"Если кто-то хочет убедиться в неполноценности и склонности к болезням расы мулатов, даже при содействии чистокровных представителей черно-белой расы, ему достаточно стать свидетелем того, что я недавно сделал, а именно: высадки с парохода цветной пикничной группы обоего пола, всех возрастов, от младенца на руках до стариков, и всех оттенков, от самого темного черного до цвета, приближающегося к белому. Не было *старого мулата*, хотя было несколько *старых негров*; много красивых мулатов обоего пола, очевидно, первых отпрысков чистых рас; затем шли юноши и дети, и здесь можно было с первого взгляда прочесть печальную правду. Маленькие негрята были проворны и выглядели здоровыми; маленькие мулаты, юноши и молодые женщины, более далекие от чистокровных племен, были болезненными, немощными, худыми, со страшными шрамами и кожными болезнями, а *золотуха* отпечаталась на каждой черте лица и каждой видимой части тела. Здесь происходила гибридизация человеческих рас при наиболее благоприятных обстоятельствах земного положения".

Таковы результаты неблагоприятного климата и смешения крови двух рас, которые никогда не могут вступать в брак. Объединение таких рас приводит к результатам, описанным доктором Найлендом. Аналогичные результаты наблюдаются, когда две расы меньше различаются и где возможен брак, как, например, в Мексике и Центральной Америке, которые находятся в руинах из-за союза испанской и туземной крови. Союз различных рас, с другой стороны, часто очень выгоден, наша собственная кровь является счастливым результатом такого союза, но такие расы должны быть похожи, а не как расы Европы, Африки и уроженцев этой страны, совершенно непохожих или отталкивающих. На Юге свободный чернокожий меньше пострадал бы от воздействия климата, но гораздо больше от крайнего предубеждения, существующего там по отношению к черному, когда он занимает положение равного. Предполагать, что он мог существовать при таком положении вещей, - значит игнорировать весь опыт и наблюдения за каждым днем. На Ямайке английское правительство располагает войсками для защиты освобожденных рабов от посягательств их старых хозяев; но там, со ссылкой на лондонскую "Таймс", утверждается, что чернокожие не только опускаются ниже уровня цивилизации, достигнутого за время их рабства, но во многих случаях фактически возвращаются к своему исконному варварству и поклонению идолам. У нас здесь нет такой постоянной армии, но раб, когда он свободен, должен быть оставлен на милость своего бывшего хозяина. Какова будет судьба раба, столь же несомненно, как и судьба североамериканского индейца, с той разницей, что индеец бежит от цивилизации, которая его уничтожает, в то время как склонный к подражанию и кроткий африканец цепляется за цивилизацию, которая столь же несомненно уничтожает *его*. Как далеко он может подняться по шкале цивилизации, если его предоставить самому себе, являются ли африканцы самодостаточной и прогрессивной расой, или же, будучи предоставленным самому себе, они потеряют то, что было приобретено, и скатятся обратно в состояние варварства, - это вопросы, еще не разрешенные экспериментальным путем. В Либерии предпринимается попытка, и, надо надеяться, успешная, решить этот вопрос в пользу

негров; но еще не прошло достаточного времени, и свидетельства, поступающие из Вест-Индии, не соответствуют тем средствам, которые можно было бы пожелать.

Из некоторых наших Западных штатов цветной человек был полностью исключен. Это мудрое и милосердное решение по отношению к чернокожим, которые приезжают в свободные Штаты только для того, чтобы провести несколько лет на какой-нибудь черной работе, а затем исчезают со своими семьями, если они у них есть, не оставляя после себя никаких следов. Если история и опыт чему-то нас и учат, так это тому, что две расы, подобные англосаксонской и африканской, никогда не смогут сосуществовать в состоянии равенства, что означает конкуренцию. До тех пор, пока низшая раса находится в зависимом положении и может требовать поддержки и защиты от белых, она остается, за редкими исключениями, довольной и счастливой, и огромное бремя таких отношений фактически ложится на хозяина, а не на раба. В тот момент, когда это отношение меняется, негр предоставлен самому себе и подвергается иссушающему воздействию той неистребимой антипатии, которая существует по отношению ко всем представителям африканского происхождения, в тот момент его судьба решена; он гибнет, как осенние листья, когда приходит смертоносный мороз, и в течение всего лишь нескольких поколений не остается и следа, свидетельствующего о том, что он когда-либо существовал.

Это истина, которой научили нас опыт и наблюдения, и которой нельзя было бы таким же образом научить мистера Джефферсона и других основателей нашего правительства, чьи мнения приводятся в поддержку отмены рабства. Они знали, что рабство было злом, и мы это тоже знаем, но что зло в основном относится к белым и что черный никогда не смог бы сосуществовать со своим хозяином в состоянии свободы, они не знали, потому что эксперимент не был опробован. Сейчас прошло достаточно времени, чтобы решить этот вопрос, причем таким образом, который, казалось бы, оставляет мало шансов для сомнений рациональному уму.

Таков, я полагаю, непреложный закон Провидения, регулирующий общение тех рас, которые он создал и дал одной белую кожу, а другой смуглую. Создатель всего сущего, несомненно, мог бы создать все белое или все черное, но по какой-то причине, которую мы не можем постичь, он предпочел этого не делать. Он создал несколько рас, почти похожих друг на друга, а некоторые совершенно несовместимы и отвратительны, и не нам говорить, что он поступил неправильно. Если возможно, мы должны выяснить, каковы законы, физические и моральные, которые он установил, и тогда мы поступим правильно, если согласимся с ними как с правильными, не пытаясь отменить или улучшить их, или противопоставить нашим собственным представлениям о том, что мы называем *абстрактным правом*. Право - это не абстракция, а реальность, и, чтобы выяснить, что это такое, мы должны обратиться к нашему опыту, наблюдению, откровению, целесообразности, божественным законам и человеческим законам, а также ко всем источникам, из которых мы можем почерпнуть средства направления наших ограниченных способностей на формирование справедливых выводов.^[1]

Кто-то может сказать, что, возможно, лучше позволить им тогда погибнуть, чем оставаться в рабстве. Поскольку рабы сами так не говорят, я, со своей стороны, не чувствую себя вправе говорить это за них. Возможно, по замыслу Провидения, им предстоит выполнить важную миссию, и эта миссия, насколько нам известно, заключается в том, чтобы унести из своего

долгого пребывания в стране рабства семена цивилизации в погруженную во мрак Африку, родину их отцов. Какой бы ни была их конечная судьба, я не считаю себя вправе торопить и решать ее путем их уничтожения или, другими словами, разрывать узы, связывающие их с теми, чей долг и интерес состоит в том, чтобы защищать их. На спинах мастеров лежит тяжелое бремя, которое они не могут сбросить по своей воле и которым мы не обременены. На них лежит печальный и сбивающий с толку долг, и почему мы должны своим вмешательством увеличивать это бремя, облегчить которое мы ничего не можем? Всякое такое вмешательство является положительным ущербом для раба и оскорблением для тех, с кем мы заключили партнерство и с кем мы должны жить как одна семья, пока мы продолжаем быть свободным народом.

Тот, кто испытывает истинное уважение к цветному человеку и справедливо заботится о его интересах, не захочет, я думаю, видеть его поставленным в ложное положение, подобное тому, которое он занимает в свободных Штатах, повиснув на короткое время на подоле сообщества, которое от него отрекается, а затем сойдя в могилу, не оставив после себя и следа. Для негра в социальном плане нет никакой надежды в свободных Штатах, и те, кто льстит ему такой перспективой, причиняют ему самое тяжкое зло. Несколько человек частично африканского происхождения, обладающих значительными интеллектуальными способностями, были таким образом обмануты, и у них, без сомнения, будет возможность осознать это наиболее полно.

Как любящие свою расу, как они могут желать, чтобы она заняла свое нынешнее положение в свободных Штатах? Если они хотят улучшить ее положение, почему бы не увести колонию на ее родную землю, где она сможет жить и не умереть, где она сможет освободиться от разрушающего влияния англосаксов и встать на свою собственную почву, не сознавая превосходства, чувствуя собственное достоинство и имея широкие возможности для развития всех способностей, которыми она была наделена. Такая работа была бы достойна лучшего интеллекта и высочайших способностей, которыми были наделены как черные, так и белые; но те представители цветной расы, которые довольствуются чтением антирабовладельческих лекций или написанием статей для антирабовладельческих газет, столь далекие от возвышения своей расы, заняты работой, которая может закончиться только крахом, для черных, конечно, гибелью людей и полным вымиранием, а для белых - потерей Союза, который никакое искусство не может восстановить в его первоначальной красоте и совершенстве после того, как однажды был разрушен. Как истинный друг негра, я бы не стал льстить ему обманчивыми надеждами и ложными ожиданиями, которые никогда не могут осуществиться, как это слишком часто и постоянно делали очень замечательные люди и с самыми лучшими намерениями; но я бы постарался, насколько это возможно, рассказать ему правду, какой бы неприятной она ни была, в полной уверенности, что в конце концов такая правда послужит наилучшим интересам всех, черных и белых, связанных и свободных.

Разнообразие и отталкивание рас, которые были предопределены, без сомнения, для какой-то мудрой цели, предназначены, возможно, только для этого состояния существования. Другая жизнь может представить новый порядок вещей, в котором не существует подобных различий. Люди были созданы так, чтобы отличаться друг от друга физически, морально и интеллектуально, но все же все равны перед Создателем всего сущего, имея право на равную долю в его щедротах и на жизненные радости, наиболее соответствующие гению и способностям каждого. В другом мире гений и способности всех могут быть одинаковыми, все найдут счастье в обществе всех — и во взаимном стремлении к одним и тем же целям, будь то знания или вкусы, учеба или поклонение.

Следует очень надеяться, что этот вопрос вскоре будет рассматриваться совсем не так, как это было в последние пятнадцать-двадцать лет. Это просто вопрос рас, и все яростные и ожесточенные речи, которые были произнесены, ни на шаг не продвинулись к улучшению условий рабства или решению проблемы негритянского рабства в этой стране. Подобные разглагольствования только разжигают раздоры и зависть, натравливают одну часть народа на другую, настраивают в оппозицию членов одной семьи и, наконец, воздействуя на такие вспыльчивые умы и недисциплинированные умы, как у Джона Брауна, ставят нас на грань гражданской и рабской войны.

Выдвигая вышеприведенные предложения, возможно, будет уместно сказать, что я сделал это со всем уважением к личному характеру и мотивам многих из тех, кто сыграл видную роль в продвижении и навязывании нам нынешнего положения вещей. У меня есть все основания полагать, что некоторые из них действовали из высокого чувства долга, и так, без сомнения, обстоит дело с теми цветными мужчинами, о которых я упомянул. Я никому не уступаю в своем отношении и симпатии к цветному человеку, где бы он ни находился, и поэтому хотел бы, чтобы он занял истинное положение, а не ложное и невозможное.

Те, кто так долго обсуждал эту тему, какими бы честными они ни были, возможно, все еще делали это, руководствуясь ошибочным чувством долга, и теперь пришло время, когда эту тему следует рассматривать во всех аспектах и во всех ее взаимосвязях, чтобы, по возможности, мы могли знать, на какой почве мы стоим. Никакие попытки, какими бы скромными они ни были, пролить свет на предмет столь важной важности, не должны пресекаться, и поэтому я не могу считать, что от меня требуется какое-либо извинение за то, что я изложил сообществу некоторые соображения, которые могут представить этот предмет для многих в несколько новом свете. Если верно, что две расы никогда не смогут сосуществовать в состоянии свободы, то это истина чрезвычайной важности, и поэтому она должна быть полностью известна и понята всеми.^[2] Если это утверждение неверно, его ошибочность, без сомнения, может быть показана или, во всяком случае, продемонстрирована по прошествии времени. На мой взгляд, время до сих пор доказывало и подтверждало это. Насколько мой вывод справедлив, пусть читатель судит по своему собственному опыту и наблюдениям, а также по представленным здесь доказательствам.

Если мы примем во внимание, что раб содержится от рождения до тех пор, пока не сможет работать, и с момента, когда он больше не может работать, до самой смерти, а также то, что в лучшем случае его услуги стоят не более трети стоимости услуг свободного труда, очень легко увидеть, что он является самым высокооплачиваемым работником в мире, поскольку, безусловно, верно, что более счастливого и довольного трудящегося населения нельзя найти ни среди цивилизованных, ни среди нецивилизованных наций. За редкими исключениями, отношения хозяина и раба в наших Южных Штатах очень счастливые, по крайней мере, для раба. Доброта и снисходительность - правило, в то время как жестокость и жестокое обращение - исключение. Наше терпение северян, без сомнения, скоро истощилось бы, если бы мы были вынуждены иметь дело с подобным классом рабочих и обеспечивать их содержание.

В то же время раб время от времени подвергается трудностям. Такова судьба всех, при какой бы социальной системе они ни жили. В той или иной форме все мужчины призваны платить за привилегии, которыми они пользуются, и нельзя было ожидать, что раб станет исключением из

этого общего правила. Если бы брачные узы можно было легализовать и сделать более священными, а семьям не разрешать разлучаться путем продажи, многие случаи лишений были бы предотвращены. Это вопрос для серьезного рассмотрения рабовладельцем, если он хочет продемонстрировать миру желание создать для зависимой расы наилучшие возможные условия, соответствующие ее безопасности.

Однако они лучше всех разбираются в возможности таких реформ, поскольку на них лежит это бремя, и лучше всех знакомы с желаниями и возможностями африканской расы. Тем, кто находится на расстоянии, легко давать советы в отношении социальной системы, о практическом функционировании которой они совершенно ничего не знают, но те, кто родился и вырос при такой системе, могут знать только о трудностях, стоящих на пути реформ, особенно когда эти трудности усугубляются вмешательством из-за рубежа.

Рабству может, наконец, прийти конец в Соединенных Штатах в результате действия естественных причин, таких как быстрый рост и постоянное посягательство на свободную рабочую силу, а также тот факт, что рабский труд настолько дорог и приводит к обеднению почвы. Когда рабство исчезнет, цветная раса исчезнет со сцены навсегда. Я думаю, не наше дело ускорять это время революцией и восстанием рабов, давать в руки такого населения факелы и пики для использования против белых, воспроизводя все ужасы резни на Сан-Доминго и в то же время решая свою собственную судьбу так же внезапно и быстро, как исчезает роса перед восходом солнца.

За последние несколько лет в Англии заметно изменились общественные настроения по поводу рабства. Антирабовладельческие настроения, подобно эпидемии, охватили всю Великобританию вдоль и поперек и в ходе своего распространения уничтожили рабство в Британской Вест-Индии. Естественное и неизбежное противодействие уже произошло в Англии, и для нас будет счастьем, если оно произойдет в этой стране до того, как станет слишком поздно. Есть веские основания полагать, что такая реакция уже происходит в Соединенных Штатах, ускорившаяся из-за набега Джона Брауна.

Следующие выдержки из лондонской "Таймс" очень важны:—

Влияние эмансипации на африканскую расу.—От правды не скроешься. Годы горького опыта; годы отложенных надежд; годы безответной самоотдачи; бедности; унижений; неотвеченных молитв; высмеянных страданий; невысказанных оскорблений; оскорбительно терпеливо переносимых — убедили нас в истине. Это должно быть произнесено громко и энергично, несмотря на дикие насмешки над "воюющим косяком". Освобожденный вест-индский раб не будет обрабатывать землю за плату; свободный сын бывшего раба так же упрям, как и его отец. Он не будет обрабатывать земли, которые не купил для себя. Ямс, манго и бананы — это удовлетворяет его потребности; ваши его не интересуют. Хлопок, сахар, кофе и табак — они его мало интересуют. И какое ему дело до того, что англичанин вложил свои тысячи и десятки тысяч в мельницы, машины и заводы, которые теперь шатаются в чахнущем поместье, которое в течение многих лет приносило только нищету и долги. Он ест свой батат и хихикает над "Бакрой".

Мы не знаем, почему так должно быть, но это так. Негр был куплен дорогой ценой — ценой английского налогообложения и английского тяжелого труда. Он был освобожден из рабства потом и муками нескольких миллионов трудолюбивых англичан. Двадцать

миллионов фунтов стерлингов — сто миллионов долларов — были извлечены из мозгов и мускулов свободного английского рабочего всех степеней, чтобы превратить вест-индийского негра в "свободного и независимого работника". Бог свидетель, он стал достаточно "Свободным и независимым", но рабочим он не является и, насколько мы можем видеть, никогда им не будет. Он будет петь гимны и цитировать тексты; но честный, устойчивый трудолюбие он не только ненавидит, но и презирает. Мы молим Небеса, чтобы некоторые люди в Англии — ни государственные служащие, ни пасторы, ни священнослужители, но несколько справедливых, добросердечных и дальновидных людей - отправились на какие-нибудь острова (скажем, Ямайку, Доминику или Антигуа) - не на месяц или три, а на год — понаблюдали бы за драгоценным *протеже* английской филантропии, освобожденным негром, за его повседневными привычками; понаблюдали бы за тем, как он лениво возделывает свой маленький сквот; увидели бы, как он гордо отвергает сельскохозяйственные или домашние услуги или соглашается на них только за плату. смехотворно несоразмерный ценности его работы. Мы также хотели бы, чтобы они понаблюдали за ним, пока он, со шкурой толще, чем у гиппопотама, и телом, для которого сильный жар является скорее утешением, чем досадой, монотонно бездельничает над предписанной задачей, на которую отважный англичанин, непривычный к палящему солнцу, тратит свою неумную энергию и слишком часто жертвует своей жизнью. Мы бы хотели, чтобы они вышли и увидели негра во всем великолепии его праздности, его гордыни, его неблагодарности, презрительно насмехающегося над трудолюбием той расы, которая сделала его свободным, а затем вернулись домой и преподали незабываемый урок своего опыта фанатикам, которые превратили его в то, что он есть.

* * * * *

Аболиционисты в Америке хотели превратить население Южных Штатов в смешанную расу, при которой белые, черные и мулаты находились бы на условиях равенства и постоянно вступали в смешанные браки; но если что-то больше, чем другое, способствовало победе англосаксонской расы в Новом Свете над испанцами, так это то, что она держалась особняком от красной и негритянской рас и постоянно передавала власть в руки людей европейского происхождения. Было полностью доказано не только на американском континенте, но и в наших собственных колониях, что насильственное равенство европейцев и африканцев ведет не к возвышению чернокожих, а к деградации белого человека. Мы не можем найти никакого сочувствия к тем, кто попытается в Соединенных Штатах реализовать план создания республики полукровок, и мы верим, что федеральное правительство и здравомыслящая часть общества защитят Юг от повторения подобных бесчинств, подобных тому, что произошло в Харперс-Ферри.

Наша собственная раса хвастлива, а также нетерпима и агрессивна. Это особенно верно для жителей Новой Англии, и, следовательно, мы склонны считать себя во многих, если не во всех отношениях, превосходящими жителей Юга. В некоторых отношениях, несомненно, у нас есть преимущество перед теми, кто родился и получил образование при совершенно другой социальной системе; но, с другой стороны, согласно закону компенсации, нам недостает много ценного в характере и психической конституции южан.

Природа нашего климата и, в особенности, наших институтов дала нашей английской крови новый и наиболее мощный стимул, так что мы развиваем огромное количество интеллектуальной энергии и активности, которые постоянно ищут выхода и которые постоянно

стремятся впасть в какую-нибудь крайность или избыток. Прожив много лет в состоянии большого материального благополучия, мы склонны набирать жир и брыкаться. Мы не знали ни реального зла, ни вторжения извне, ни гражданской войны внутри, и за неимением какой-либо реальной опасности мы придумываем воображаемые. Мы мучаем себя злом, которое существует только в нашем собственном мозгу. Я думаю, что судья Маршалл говорил об этом воображаемом зле, которое, поскольку оно беспричинно, также не поддается лечению.

Ум южан менее активен и более консервативен, иногда непостоянен, но в целом склонен руководствоваться здравым смыслом и рациональным взглядом на вещи и, в некоторых отношениях, более надежен, чем наш собственный. Это создает замечательную помеху в нашей политической системе и предохраняет нас от естественной тенденции впасть в крайности радикализма и того аграрного духа, который разрушил все бывшие республики.

Постоянная тенденция в Республике состоит в том, чтобы устранить все конституционные ограничения, предназначенные для обеспечения прав личности, и свести все к правлению большинства. Очевидно, что Сенат Соединенных Штатов и Верховный суд, хотя и предназначены для сдерживания народных порывов и вспышек, все же являются весьма несовершенными барьерами, когда противостоят тому, что называется волей народа. Требуется всего несколько лет, чтобы изменить политический характер Сената таким образом, чтобы он отражал преобладающие настроения того времени, и то же самое можно сказать о Верховном суде. В некоторых наших Штатах судьи уже избираются из года в год и должны стать в большей или меньшей степени политическими партизанами. Когда эти ограничения сняты и права личности зависят от голой воли большинства, тогда мы имеем чистую демократию, которая является чистым деспотизмом, и деспотизмом настолько ужасным, что вскоре уступает место деспотизму более мягкой формы в лице военного диктатора. У нас нет ни земельной аристократии, которая в Англии стоит между народом и тронem, удерживая каждого от посягательств на другого, ни какого-либо реального сдерживающего фактора в нашей системе правления, если только это не установленный факт существования большого числа штатов, население которых естественно и неизбежно консервативно, и которые стоят подобно скале против вздымающихся волн народного возбуждения аграризмом и радикализмом, откуда бы они ни исходили. Утверждение о том, что рабство было краеугольным камнем американской свободы, сделанное несколько лет назад государственным деятелем из Южной Каролины, было воспринято с изумлением как самый абсурдный парадокс, но время может показать, что в нем содержалась истина, которую мы пока не смогли увидеть и понять.

Южный характер более импульсивен, но также более открыт и добродушен, чем наш собственный. Если в нем появляется искра поспешности, он также вскоре снова становится холодным и рациональным. Он не задумчив и не нетерпим, и его не так легко увлечь в крайности, как это слишком часто случается с нами в более северном климате. Одна из видных причин такого различия, без сомнения, кроется в том факте, что, в то время как мы, на Севере, живем в больших городах, где люди находятся в постоянном состоянии действия и реакции друг на друга, и массы могут быть внезапно и всесторонне возбуждены, южные плантаторы живут далеко друг от друга и, во многих случаях, почти в полном уединении. Такое население в меньшей степени подвержено этим моральным эпидемиям, которые время от времени захлестывают сообщества, потому что оно малочисленно и, следовательно, не так сильно подвержено возбуждающим причинам; таким образом, хотя оно и теряет много хороших влияний, исходящих от более компактного общества, оно также избегает многих серьезных зол,

которым подвержено последнее. Это не Франция, а Париж, великий центр населения, средоточие всего роскошного и утонченного, науки и искусства, короче говоря, всего, что может служить украшением общественной жизни; только этот Париж создает и смещает королей и императоров, свержает одну династию ночью и устанавливает другую на следующее утро, а затем дает закон нации, которая стоит и смотрит. Какой-нибудь редактор или оратор затрагивает ту симпатическую телеграфную струну, которая проходит через каждого члена этой огромной живой массы, и в одно мгновение сточные канавы как бы заливаются кровью, свирепая толпа устремляется по всем улицам, стремясь отомстить за несправедливости, которые, если их и нет на самом деле, тем не менее реально существуют в возбужденном и воспаленном воображении. Затем наступает насыщение кровью, затем реакция, а затем положение вещей, слишком часто гораздо худшее, чем первое. Многие считают, что наш собственный город Нью-Йорк стал неспособен к разумному самоуправлению и демонстрирует те пороки, которые, особенно при таком правительстве, как наше, проистекают из скопления в какой-то момент очень большого населения. Немногочисленное и широко рассеянное население, которое также по необходимости отличается высокой последовательностью, может обеспечить нам ту самую проверку, в которой мы больше всего нуждаемся и которую нельзя найти в бумажных конституциях, судах или сенатах.

С постепенным течением времени свободный труд, несомненно, наводнит более северные рабовладельческие штаты, принося плодородие почве и улучшая во многих отношениях положение белой расы, хотя и чреватый разорением для всех лиц африканского происхождения. Мои симпатии как ко второму, так и к первому, и я не могу желать, чтобы наша растущая, агрессивная северная англосаксонская волна захлестнула Южные штаты, считая, возможно, самый консервативный и полезный элемент в нашей республиканской системе и в то же время полностью уничтожая в своем ходе ту беспомощную расу, которая, по промыслу Божьему, была выброшена на наши берега. Здесь достаточно места для всех нас, чтобы жить вместе в мире и гармонии. Две расы могут сосуществовать в их нынешнем относительном состоянии, но никак иначе. Это великий урок истории, опыта, статистики и повседневных наблюдений.

СНОСКИ:

[1] Считается, что наше английское общее право является совершенством человеческой мудрости. Оно основано на праве, и его целью является установление этого права. Таким образом, были перечислены источники, из которых оно почерпнуто. "Закон природы; богооткровенный закон Бога; христианство, мораль и религия; здравый смысл, правовое обоснование, справедливость, естественное равноправие, человечность".

[2] С тех пор, как было написано выше, я обнаружил, что та же теория выдвинута мистером Баклом в его "Истории цивилизации", казалось бы, очень очевидная теория и результат наиболее распространенного наблюдения, а именно: там, где встречаются две разные расы, не может быть слияния, но низшие должны вымереть в присутствии высших.